Перевод и редактура: Naides

Минлань проводили домой. Старшая служанка Цхуй встретила её у дверей с пухлым ребёнком на руках, старшая служанка Фан подошла к ней и прошептала на ухо несколько слов. Выражение лица старшей служанки Цхуй внезапно изменилось, и она наградила ту сердитым взглядом. Старшая служанка Фан ушла, а старшая служанка Цхуй поспешно передала ребёнка Цхуйвей и лично отправилась прислуживать Минлань, пока та купалась, переодевалась и устраивалась отдыхать.

Расслабившись на мягких шёлковых простынях, Минлань готова была стонать от удовольствия — всегда было приятно оказаться в собственном доме, в комфорте и уюте. Хотя вернуться в прошлый дом было приятно, казалось, будто ей снова шесть лет, и она может задавать много глупых вопросов и вести себя беззаботно.

Минлань всегда следила за своим здоровьем и старалась заниматься спортом, правильно питаться и вести здоровый образ жизни. От наложницы Вей, которая давно умерла, она получила неплохое телосложение, которое обычно нравилось мужчинам, и миловидное лицо. Хотя она выглядела стройной и нежной, у неё всё же были грудь и бёдра, которые неплохо смотрелись благодаря тонкой талии. Пропорции её тела были очень хорошими и правильными, Минлань даже думала, что если бы она была лошадью, заводчики посчитали бы, что её порода хороша для разведения.

На этот раз она очень сильно устала. Теперь, когда всё разрешилось, и домой вернулся сильный и надёжный старший брат, она, естественно, ощутила облегчение. Теперь она просто хотела хорошо отдохнуть пару дней, есть, пить, спать, и ощущать своё прежнее счастье. Узнав, что она беременна, она снова могла жить чудесной жизнью свиньи.

Старшая служанка Цхуй отдала младшей служанке приказ сразу же после того как услышала сообщение о возвращении Минлань. Та принесла большой арбуз из колодца, персики, вымыла их и, нарезав, разложила в белые фарфоровые миски, расписанные красными лепестками лотоса. Когда она увидела, что Минлань берёт в руки палочки, чтобы съесть фрукты, она поспешно схватила тарелку и сердито посмотрела на неё:

— Арбуз холодный, а персики сладкие и тёплые, вы не можете есть ни то, ни другое!

Когда она развернулась, чтобы выбросить фрукты в окно, Сяотао поспешно перехватила тарелки.

— Не волнуйтесь, старшая служанка, я позабочусь обо всём этом, главной госпоже ничего не достанется!

Минлань сглотнула слюну и проводила Сяотао, выскочившую за дверь, голодным взглядом.

Затем она посмотрела на Туаня, который медленно учился ходить, цепляясь за бортики сооружённого для него тканевого манежа. Его маленькие белые толстые ножки переступали по зелёному одеялу.

Она не видела своего сына несколько дней, как она могла не смотреть на него? Кто бы мог подумать, что этот мальчик, увидев свою мать после долгой разлуки, даже не заплачет! Этот бессовестный сын не имел и капли печали в своём взгляде!

Юный господин Гу был всё так же весел, здоров и толст. Он улыбался и манил толстыми маленькими пальчиками Минлань — этому она научила его до того, как уехала в поместье Шен — а теперь он, вместо того чтобы радоваться её приходу или горько плакать, как делали дети после долгой разлуки, просто как ни в чём ни бывало занимался своими детскими делами!

Полдня Минлань усердно работала, чтобы наладить отношения со своим сыном, дразнила его, чтобы он поворачивался и держал спину, переступал с ноги на ногу…

Прошло четыре или пять дней, а он уже вёл себя, как неблагодарная свинья, которая забыла свою мать! Минлань была обескуражена. Старшая служанка Цхуй сидела рядом, смотря на мать и сына, и была готова ловить ребёнка в любой момент — она не собиралась позволить ему прыгнуть на Минлань.

Ещё не успело стемнеть, когда, словно порыв ветра, вернулся Гу Тинъе, взъерошенный, он остановился перед кроватью, затем осторожно сел рядом с Минлань и, взяв её за руку, замер, будто собирался что-то сказать.

— Хочешь есть?.. — в конце концов произнёс он.

Минлань вздохнула с облегчением. Несколько дней назад она была в депрессии, словно император оштрафовал её мужа на трёхлетнюю зарплату. Даже прогулки у озера не прогоняли меланхолию.

Старшая служанка Цхуй улыбнулась, взяла Туаня и вышла первой.

Схватив его за руку, Минлань укусила его за тыльную сторону ладони и прошептала:

— Я хочу съесть тебя!

— Думаешь, это сложно? Я отрежу немного для главной госпожи! — громко рассмеялся Гу Тинъе.

Минлань торопливо дёрнула его за рукав, широко улыбаясь.

— Не обманывай меня! С твоей грубой и толстой кожей, и твёрдой плотью, даже если ты будешь тушить это мясо три дня и три ночи, никто не сможет его прожевать!

Гу Тинъе с улыбкой откинулся на спинку дивана и уткнулся головой в шею Минлань.

— …В прошлом это была моя вина, — тихим голосом произнёс он спустя некоторое время. — Я не хотел… Маннян должна была… Дело не в том, что ты мне безразлична… На самом деле… — Он никак не мог чётко сформулировать мысль.

Минлань смотрела на него, забавляясь. Он был весь потный и взволнованный.

— Ты говоришь и то, и это… — холодно произнесла она.

Гу Тинъе в отчаянии закрыл рот и осторожно прикоснулся к ней. Минлань погладила его по влажным волосам.

— Не говори ничего, если не знаешь, что сказать. Люди, живущие в одном доме, почему вы всё так усложняете? Это не иск и не судебный процесс.

Гу Тинъе вдруг в стал и сурово произнёс:

— Тот, кто посмеет подвергнуть опасности моего сына и его мать в будущем, будь это хоть сам император, не говоря уже о Маннян, я убью его и никто никогда не найдёт труп!

Последние несколько слов прозвучали действительно ужасающе.

Минлань долго смотрела ему в глаза прежде чем встать и обнять его за шею.

— Я верю тебе, — прошептала она.

Она много об этом думала и всё, что имело значение, это настоящее и будущее.

Он был очень добр к ней и всем сердцем стремился к хорошему, он любил своих детей и её, и он делал всё возможное, чтобы его жена и ребёнок жили в мире и безопасности. Этого достаточно.

Они были разными людьми, но они оба ждали рождения ещё одного ребёнка с нетерпением.

После того как хозяйка уехала на несколько дней, все в поместье знали только то, что пожилая госпожа Шен находится при смерти, поэтому та и направилась позаботиться о ней.

На следующий день после возвращения настало время шоу. Две наложницы прибыли приветствовать Минлань, вместе с ними прибыл две маленькие девочки. Сердце Цюнян было переполнено горечью, но она говорила добрые слова. Кто же знал, что постоянный зритель её выступлений, Минлань, изменит своё привычное мягкое отношение и равнодушно проигнорирует её!

Несколько раз её попытки завязать разговор были проигнорированы. Цюнян было так скучно… Всё, что она могла, это просто неловко стоять рядом.

Пока взрослые разговаривали, Сян с любопытством разглядывала живот Минлань. Она краснела, но не осмеливалась спросить: как ребёнок вылезет оттуда? Туань был большим, толстым, белым и очень милым. Как он мог там поместиться?

Жун тоже очень нравился Туань, ей очень хотелось протянуть к нему руку и погладить его по голове, но всякий раз она вспоминала слова своей родной матери и наложницы Цю: никогда не подходи к первому законному сыну своего отца, иначе, если что-то случится, ты останешься виноватой. Ты никогда не отмоешься от обвинений.

Вспомнив эти слова в очередной раз, Жун тут же отдёрнула протянутую было руку.

Однако она не могла перестать думать о том, как сильно они похожи. И у Жун, и у Туаня были густые брови, большие глаза, пухлые щёки, прямая переносица, вздёрнутые уголки рта. Они были похожи сильнее, чем она и Чан, её родной брат.

Когда они покинули Минлань, Сян увели обратно в её двор, а Цюнян и Жун отправились к себе. Когда они остались наедине, Цюнян принялась ворчать.

— Что не так с главной госпожой? Может быть, я сделала что-то не так? Тогда почему бы не отругать меня прямо, чтобы я извинилась и загладила свою вину? Зачем быть такой равнодушной…

Жун остановилась и, убедившись, что вокруг никого нет, спросила:

— Наложница Цю действительно не знает, где она ошиблась?

Взгляд девочки был ярким и острым, Цюнян ощутила себя виноватой.

— Я… Я… — пробормотала она.

Она была виновата разве что в том, что отправляла хоу закуски ночью, когда он оставался один в кабинете.

Жун было одиннадцать лет. Она была высокой и стройной, с прямой осанкой. Стоя рядом с Цюнян, несмотря на то, что она была ниже неё, казалось, словно было наоборот.

— Наложница Цю живёт в поместье уже много лет, — улыбнувшись, вежливо произнесла Жун. — Как можно ничего не понимать? Если притворяться невежественным, это лишь делает ситуацию ещё более отвратительной.

Она ясно понимала, в чём суть. Она ясно понимала, чего хотят наложницы. Они утверждают, что вовсе не собираются разлучить главную жену с мужем, и, тем не менее, сознательно совершают преступление, притворяясь честными и добродушными. Будет отлично, если получится добиться успеха, если нет, то всегда можно притвориться, глупым и растерянным. Эта техника была слишком жалкой и очевидной, даже более жалкой, чем невежды в историях наставницы Сюэ.

Если бы не тот факт, что она преданно заботилась о Жун, она бы не стала напоминать ей об этом.

— Хотя главная госпожа добрая и понимающая, её нелегко запугать и обмануть. Наложница, не думай, что ты умнее неё.

Сказав это, Жун развернулась и ушла, оставив Цюнян безучастно стоять в одиночестве.

Обычно наложницы всячески хвалят главную госпожу и льстят ей, но стоит мужу с женой немного поссориться, как они спешат льстить мужу. А после они хотят вести себя так, словно ничего и не было. Словно главная жена резко ослепла и оглохла! Быть наложницей значит жить как живой мертвец!

Счастливые события случались одновременно. Несколько дней спустя Жуомей также узнала о том, что беременна более трёх месяцев. Старик Гунсунь был вне себя от радости. Он призвал всех напиться и, наконец, упившись до бессознательного состояния, был доставлен обратно в дом.

Минлань послал Сяотао, чтобы та поздравила от её имени, а также прислала несколько высококачественных тонизирующих трав для беременных и сказала слугам, чтобы те хорошо заботились о них. Жуомей была очень счастлива, но она не знала, что сейчас в руках Минлань находилось очень важное письмо.

Внезапно брак брата Гунсуня был заключён, и новая невестка оказалась добродетельна и почтительна. Поскольку их мать беспокоилась о том, что эта новая невестка слишком молода, она умоляла жену Гунсуня Байши остаться ещё на один год, и ещё полгода, и обучить свою новую невестку, чтобы та могла управлять семьёй. Жене Гунсуня Байши пришлось согласиться. Теперь ей предстоял долгий путь, Гунсунь Мен должен был остаться на некоторое время, а после сопроводить свою тётю и вместе с ней прибыть в столицу, чтобы заодно поспособствовать воссоединению своего дяде с женой.

В письмо было вложено ещё одно письмо, которое госпожа Гунсунь написала лично Минлань. В нём говорилось: «Если наложница Мей будет беременна, когда придёт письмо о моём скором возвращении, она будет слишком много беспокоиться и ребёнок может пострадать. Пожалуйста, сохраните новость и письмо в тайне. В этом нет ничего такого, мой муж человек, который любит лишь храмы, горы и реки, ему нет никакого дела до всяких пустяков в доме. Можно предупредить его о прибытии жены за три или пять дней».

Минлань некоторое время заламывала пальцы, размышляя: когда госпожа Гунсунь прибыла в столицу, Жуомей уже была беременна, поэтому она не могла быть беспечной.

Увидев решимость, проступающую между строк письма, Минлань вздохнула и, покачав головой, как следует спрятала письмо. Эта госпожа Гунсунь была не только дотошна, но ещё и глубоко заботлива. Похоже, маленькие уловки Жуомей не сработают против неё. Очевидно, она неплохо понимает людские сердца.

Как только ребёнок родится, все виды несчастья обрушатся на Жуомей одно за другим. Однако, когда вы выбрали путь, вам придётся вынести последствия своего решения.

Повздыхав о жизненном пути Жуомей, Минлань вскоре рассказала о последствиях своего жизненного пути — Хуалань привела Жулань и Юнь’эр к ней.

На самом деле, с того дня, как тётушка Кан была отправлена в департамент Шеньцзе, и с её доверенными лицами разобрались, не было необходимости продолжать и дальше скрывать это. Сначала Чанбай оповестил Хуалань, потом кто-то сообщил Жулань, только вернувшуюся из сельской местности, затем Чанву и Юньэр, живших чуть дальше. Что насчёт Молань… В этом не было необходимости, во всяком случае, Чанфен и его жена не знали подробности.

Когда Хай Ши эмоционально рассказала о том, что произошло, Хуалань, естественно, не могла не отреагировать: она была ошеломлена, она не появлялась дома всего семь или восемь дней, как мир мог так внезапно измениться! Если бы она посещала родительский дом более усердно, может, этого не случилось бы?! Смогли бы пожилая госпожа и её родная мать избежать этой катастрофы?

Жулань была в ужасе. Она уже давно была взрослой, но самой ядовитой стратегией, которую она придумывала за всё это время, было что-то вроде: «было бы неплохо заставить Молань съесть что-нибудь противное» или что-то в этом роде. Отравить кого-то, чтобы убить? Она и мечтать о подобном не смела! Она и подумать не могла, что её родная мать действительно

сделает это! Нет, нет, нет, это всё эта чёртова тётка!

Хуже всего было Юнь’эр, когда она услышала о том, что её мать подстрекала свою сестрё отравить самую уважаемую старшую госпожу семьи Шен. Она упала в обморок, и, когда, наконец, очнулась и смогла воспринимать реальность, она узнала, что её мать была отправлена в самое ужасное, тёмное и холодное место. Когда она услышала о департаменте Шеньцзе, она снова лишилась чувств.

Чанву поспешил навестить своего дядю и бабушку, и с облегчением увидел, что пожилая госпожа Шен цела и невредима, а что касалось Ван Ши… В знак уважения и раскаяния по отношению к старушке, ей следовало исчезнуть как можно скорее, чтобы воцарился мир и покой.

Хуалань быстро пришла в себя, и, закусив удила, ворвалась в покои Ван Ши, и принялась гневно ругать свою родную мать:

— Сколько раз ваша дочь говорила вам, что тётя не заботится о нашей семье?! Она не в одной лодке с вами! Как можно было верить ей?! На этот раз произошла большая беда! Я не понимаю! Она уже столько времени пользовалась добротой нашей семьи! Она украла у тебя зятя! Почему ты так расстроена?!

— Сначала я была зла, но позже я увидела, что брак Жулань не был бы хорошим, её нынешний муж внимателен, и они гармоничны и счастливы. Однако Юань’эр и Ю… Они словно огонь и вода! Ссорятся день за днём! Я слышала, как твоя тётя говорила об ужасных вещах! Юань’эр так тяжело… Поэтому я уже не сержусь. Я думаю, что даже лучше, что Жулань не вышла туда замуж.

Жулань покраснела и громко произнесла:

— Сестрица, мама! О чём вы говорите?!

Как это можно было понимать?! Постепенно она повзрослела и стала разумной, а её родная мать уже не была в гармонии с собой!

— Мама, это лишь уловка тёти! — Хуалань была убита горем. — Сначала она тебя успокаивает, а после постепенно обманывает! Ты была одурачена! Что за человек моя тётя? Наши братья и сёстры, никто не любит общаться с ней не из-за того, что семья Кан слаба, и они смотрят на них свысока! Она… — Хуалань не находила слов. — Чанбай прав! Это катастрофа! Если приблизишься к ней, тебя постигнет неудача!

Только что вошедшая Юнь’эр, услышав последние слова, едва не потеряла сознание. Чанву помог своей жене извиниться перед Ван Ши, Ван Ши, сцепив зубы, холодно ответила:

— Это моя вина, что я последовала за своей старшей сестрой! Я не могу позволить тебе быть моей племянницей!

Юнь’эр разрыдалась и встала на колени, Чанву пришлось встать на колени рядом с ней.

Хуалань поспешила помочь ей подняться, и сказала матери:

— Мама, посмотри на себя! Какое это имеет отношение к сестрице Юнь’эр? Даже если ты не узнаёшь свою племянницу, ты должна помнить свою невестку!

Подтекст этой фразы был глубоким, но Юнь’эр не осмеливалась согласиться, и продолжала молча плакать.

Увидев, как обстоят дела, и поняв, что никакие уговоры не помогут, чтобы образумить Ван Ши, Хуалань и Жулань ушли, чтобы навестить свою больную бабушку и израненное сердце своего старого отца — его брак был ужасен, семья несчастна, и всё происходящее делало его очень грустным.

Затем Юнь’эр поехала в департамент Шеньцзе и горько умоляла позволить ей повидаться с матерью, но результат… Конечно же, результата не было.

Чанву втайне надеялся, что так будет и дальше — правительственные чиновники должны были быть справедливыми и строгими.

Юнь’эр, плача, навестила отца и брата, чтобы обсудить случившееся. Там она узнала, что поместьем теперь управляет наложница Цзин, отец не хочет слышать ни единого упоминания о своей жене, старший брат ошеломлён и страдает, она, пребывая в растерянности, ушла. Благодаря большому приданому невесток, несмотря на то что оставшееся приданое Кан Ши было возвращено её семье, учитывая также приданое Кан Цзина, и его собственную зарплату, господин Кан сможет продолжать неплохо жить и без своей жены.

Юнь’эр хотела посетить семью Ван, но пожилая госпожа Ван была больна и пребывала в беспамятстве, дядя сидел у её постели, а тётка — полна презрения и противна.

Поскольку Шен Хун всё ещё был «в печали», Юнь’эр должна была пойти к Чанбаю. Она не знала, о чём просить. Должна ли она молить выпустить свою мать? Или простить её безумие? В детстве у неё не было выбора.

Кто знал, что она встретит Хуалань и Жулань, которые также пришли умолять Чанбая. Их не волновало заточение тётушки Кан, однако они надеялись, что их мать не слишком пострадает. Результаты… На этот раз они были.

Две сестры получили выговор от Чанбая. Он обругал их с ног до головы, и они не только не

добились смягчения наказания для своей матери, но также получили предупреждение вести себя в доме мужей как полагается, слушаться старших и не устраивать сцен.

Так обстояли дела с его собственными сёстрами, и, естественно, Чанбай был не очень вежлив с дочерью преступницы. Он прямо сказал:

— Если вы пришли сюда как дочь тётушки Кан, вам не нужно ничего говорить: просто уходите. Если вы пришли сюда, как жена нашего кузена, то мы всё ещё семья.

Юнь’эр печально заплакала. Не дожидаясь, пока она что-нибудь скажет, Чанбай продолжил:

— Я написал письмо в Йоуян, и рассказал об этом дяде и тёте.

Чанву, склонивший голову, чтобы утешить жену, был ошеломлён услышанным. Юнь’эр перестала плакать.

Только когда Чанву и Юнь’эр вернулись домой, они поняли подтекст слов Чанбая.

Дорогая кузина Кан Ши, вы хотите получить развод? Вы хотите расстаться со своими детьми? Пожалуйста, сделайте правильный выбор. Ваша мать, полная зла, которая не может быть спасена, или ваша собственная счастливая семья?

— Но ведь она моя мама! — расплакалась Юнь’эр.

— Когда моя тёща совершала такой ужасный поступок, она должна была подумать о том, как это повлияет на её детей, — ответил Чанву.

Затем он торжественно изложил свою позицию, как зятя, и, хотя он должен был активно спасать свою тёщу, пожилая госпожа Шен — несравненная благодетельница всей семьи Шен. Поэтому, если его жена настаивает на том, чтобы продолжать вмешиваться в это дело, он может только отказаться.

Два дня спустя Юнь’эр уже не могла плакать, её глаза пересохли и слёз не осталось. Жулань и Хуалань были беспомощны перед железной стеной по имени Чанбай, Ван Ши постепенно смирялась и начинала принимать реальность.

В это время две сестры подумали о Минлань.

Дело было не в том, что они плохо соображали, но в повествовании Хай Ши присутствие Минлань было намеренно преуменьшено. Как и её роль в этом деле. Со слов Хай Ши выходило так, будто это Шен Хун и его старший сын сражались на передовой в этой семейной войне, а Минлань просто была зла. Конечно же, Шен Хун не стал объяснять, что пока его мать убивали,

он большую часть времени бездействовал, а старшая служанка Фан никогда не говорила слишком много.

Жулань слышала пересказ от Цхуйпин, без сомнения, но из её объяснений поняла только то, что Минлань была очень зла и ненавидела тётушку Кан до глубины души.

В это время Хуалань стало не по себе. Она прекрасно знала, что младшая сестра очень любит бабушку. Раз уж она ненавидела тётушку Кан, то что насчёт её сообщницы, их матери? Вот почему они все вместе пришли в поместье хоу Нинъюань.

Когда Минлань увидела Юнь’эр, она тут же нахмурилась. Раньше ей нравилась эта нежная и добрая кузина, она чувствовала, что даже у плохих родителей могут вырасти хорошие побеги, но теперь, увидев её, она могла думать только о тётушке Кан и о том, что это никогда не закончится. И что её ненависть никогда не угаснет.

— Наши семьи всегда были близки, и мои сёстры всегда могут приехать ко мне, — сказала она. — Моя невестка всегда может приехать ко мне, я буду очень рада. Я лишь прошу никогда не упоминать тётушку Кан.

Увидев ледяное выражение лица Минлань, Юнь’эр в слезах опустила голову. Она была слишком пристыжена, чтобы заговорить. Она знала, что её мать была грешницей, но всё детство выполняла свой долг. Она не могла принуждать остальных быть снисходительными к ней.

Жулань настойчиво говорила о Ван Ши, то и дело твердила о том, что её мать была слишком сильно наказана.

— Пятая сестра должна пойти к старшему брату. Судьбу главной госпожи решает он один, даже папа не сказал ни слова, — на этот раз Минлань даже улыбнулась.

Это была чистая правда.

Услышав о Чанбае, Жулань сразу же замолчала, но вскоре снова воспряла духом.

— Почему бы тебе не попросить своего мужа сказать старшему брату? Хоу имеет высокое положение и авторитет, старший брат не станет рисковать его благосклонностью.

— Пятая сестра должна пойти и поговорить с пожилой госпожой, — не задумываясь ни мгновения, ответила Минлань. — В конце концов, это она была отравлена, и теперь проведёт остаток своей жизни, пытаясь выжить. Пятая сестра может спросить у ней, что она об этом думает, и хочет ли она теперь видеть свою невестку.

Жулань растерялась.

Выслушав это, Хуалань поняла отношение своей младшей сестры к происходящему. Она втайне обижалась на Ван Ши, но обида эта была неглубокой, и куда больше ей было жаль старушку.

Увы, это было всё, что они могли сделать, теперь им оставалось лишь упрашивать мать спокойно вернуться в родной город и подумать над своим поведением.

И, если честно, на самом деле Хуалань втайне была согласна с Чанбаем.

Во-первых, Ван Ши действительно была неправа и должна быть наказана. Бабушка слишком сильно пострадала в этот раз, и это преступление нельзя просто спустить ей с рук. Во-вторых, разлучить свекровь и невестку, было хорошей мыслью. Так невестка через несколько лет сможет извиниться, и за это время неприязнь к ней немного истончится. Однако, если она останется, негатив по отношению к ней будет лишь крепнуть, а ненависть прочно укоренится в душе.

Поняв всё это, Хуалань не стала говорить об этом, лишь с улыбкой побеспокоилась о беременности Минлань, и втянула Жулань в разговор. Так, разговаривая и смеясь, они обсудили множество повседневных вещей, пытаясь создать уютную и весёлую атмосферу. Хуалань очень хорошо понимала силу семьи, и старалась изо всех сил не допустить образования трещины в их отношениях. Она не могла позволить семье развалиться из-за глупости матери и безумия тёти.

Конечно, то, что они расскажут внешнему миру, придётся отрепетировать: пожилая госпожа Шен внезапно слегла (что ж, возраст, бывает), несколько дней она находилась между жизнью и смертью. Ван Ши плакала и молилась Будде, что если её свекровь сможет проснуться, она хотела бы пойти в храм и молиться о её здоровье, быть вегетарианкой и читать сутры в течение следующих нескольких лет (какая хорошая невестка!)

Первопричина болезни старушки была неясна, поэтому она отправилась на поиски чудесного лекаря.

http://tl.rulate.ru/book/5280/1876471